УДК 94(571.54)

ББК 63.3(2Рос.Бур)

DOI 10.31554/2222-9175-2018-30-14-27

А. А. Иванов, С. И. Кузнецов

БОРИС ШУМЯЦКИЙ: НА СЛУЖБЕ У МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена Б. З. Шумяцкому, сыну рабочего из г. Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), большевику, который до революции 1917 г. работал в различных городах Сибири партийным организатором и руководителем рабочих кружков, в октябре 1917 г. был избран председателем Центрального исполкома Советов Сибири (Центросибирь), а в декабре 1917 г. в Иркутске возглавил вооруженную борьбу с верными присяге солдатами и юнкерами. В 1920-х гг. Б. З. Шумяцкий много сделал для распространения русской революции в Китае, Монголии, Корее, Японии, был среди организаторов коммунистического движения в этих странах.

Ключевые слова: история партии большевиков, Иркутск, декабрьские бои, коммунистическое движение, Б. З. Шумяцкий.

A. Ivanov, S. I. Kuznetsov

BORIS SHUMYATSKY: IN THE SERVICE OF THE WORLD REVOLUTION

This article is devoted to B.Z. Shumyatsky, son of an ordinary worker from the city of Verkhneudinsk (nowadays – Ulan-Ude), to the Bolshevik who had worked in various cities of Siberia as a party organizer and a head of working circles before the revolution of 1917, then in October, 1917 was elected the chairman of the Central Executive Committee of the Soviets of Siberia, and in December of that year headed the armed struggle against soldiers and cadets faithful to the oath in Irkutsk. In the 1920s Shumyatsky did a lot for the expansion of the Russian revolution to China, Mongolia, Korea, Japan, being among the organizers of the Communist movement in these countries.

Keywords: History of the Bolshevik party, Irkutsk, “December fights”, Communist movement, Boris Shumyatsky.

В нашей стране в годы Советской власти о таких людях, как Борис Захарович Шумяцкий, писали довольно много. Обычно всплеск интереса к лидерам партии победившего пролетариата отмечался в дни юбилеев, «красных» дат, официальных торжеств. Им присваивали громкие имена «несгибаемых», «вер-

ных», «железных», «борцов»... Несмотря на быющую в глаза идеологическую заданность большей части подобных публикаций, они имели и свой позитивный результат: способствовали изучению, а значит и пониманию, нашего прошлого. Сегодня ситуация с исследованием политических биографий этих людей резко

ИВАНОВ Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и регионоведения Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет». E-mail: ottisk@irmail.ru.

КУЗНЕЦОВ Сергей Ильич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет». E-mail: s.kuznetsov@hist.isu.ru.

изменилась: в обществе сложилось стойкое неприятие всего, что связано с большевизмом, Коммунистической партией и ее историей. Это неприятие проникло и в науку. Между тем излишне говорить, что история КПСС неотделима от истории России, тем более что только сейчас наличествуют все условия для подлинно научного изучения социальной среды, политики, идеологии и практики этой крупнейшей в мировой истории политической партии.

Биография Б. З. Шумяцкого действительно заслуживает пристального научного и общественного интереса. Его имя занимает нишу в истории как Иркутска, Сибири, так и России в целом. И уж если мы говорим о И. Б. Пестеле, М. М. Сперанском, В. Я. Руперте, Н. Н. Муравьеве-Амурском и других губернаторах и генерал-губернаторах нашего края, то никак не можем умолчать о нем – первом председателе Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь), обладавшем властью ничуть не меньшей, чем любой генерал-губернатор.

Его политическая судьба типична для поколения «революцией призванных». Б. З. Шумяцкий родился в 1886 г. в Верхнеудинске, в семье административно-ссыльного рабочего-переплетчика, оказавшегося в Забайкалье за нарушение «черты оседлости». С 12 лет он самостоятельно стал зарабатывать на жизнь. Его первыми политическими наставниками были не большевики и даже не социал-демократы: с одной стороны, народник И. С. Кривоносенко, с другой – старший брат Марк, довольно известный эсер-максималист. Впрочем, Б. З. Шумяцкий не стал ни анархистом, ни народником. С 1903 г. и до конца жизни (расстрелян в 1938 г.) его судьба связана с партией большевиков.

Чем была сильна эта партия? В. И. Ленин еще в самом начале нового века сделал настоящее открытие (сегодня это прописная истина) – партия сильна узким слоем организаторов-профессионалов и

широчайшим большинством партийной или околопартийной массы, способной к восприятию пропагандистских идей, преданной делу и ждущей команды лидера. Очень быстро Б. З. Шумяцкий становится таким организатором-профессионалом. С конца 1904 г. он живет в Красноярске, работает в железнодорожных мастерских и уже в феврале 1905 г. избирается в состав Красноярского комитета РСДРП. Ему поручают ответственный и важный участок работы – организацию технической группы, в задачи которой входило распространение нелегальной литературы, постановка типографского дела, устройство митингов и сходок. Одним словом, с 1905 г. 19-летний Борис Шумяцкий становится партийным профессионалом [Грайворонский 2012: 314].

Партийный организатор в Сибири имел особое значение. Это в столицах у партии было много работников. На периферии, в провинциальной Сибири, несмотря на довольно солидный ссыльный контингент, партийные профессионалы были наперечет, и в квалифицированных кадрах провинция всегда испытывала острую нужду. Не случайно, например, красноярские и иркутские социал-демократы неоднократно просили центр о присылке такого профессионала. Партийный работник содержался в основном на средства организации, что не всякому подпольному комитету было по карману.

Уже в конце октября 1905 г. Б. З. Шумяцкий становится одним из руководителей исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Красноярска, а в декабре участвует в баррикадных боях. В январе 1906 г. попадает в тюрьму, но первое заключение не было продолжительным – всего каких-нибудь 10 дней. Уже 13 января ему удалось бежать и перебраться в Челябинск.

Местная партийная организация была немногочисленной и, как вспоминает Борис Захарович, «едва-едва могла содержать одного профессионала». Им был Григорий Минский, меньшевик, работавший под необычной партийной

ключкой Пушкин. Найти место на железной дороге или промышленном предприятии не удалось, и Шумяцкий через две недели переехал в Курган [Шумяцкий 1989: 101]. Его попытка поставить здесь «технику», т. е. организовать нелегальную типографию, также была неудачной. Он вынужден был опять поменять место партийной работы и в начале весны 1906 г. с явкой Сибирского союза РСДРП прибыл в Иркутск.

К этому времени Б. З. Шумяцкий считал себя профессиональным большевиком, т. е. организатором радикальной нелегальной деятельности рабочих и торгово-промышленных служащих. Среди иркутских же социал-демократов в 1906 г. преобладали сторонники широкой и, прежде всего, легальной общественной оппозиции, не признававшие «нелегалщины» и подпольной «кружковщины». Местные социал-демократы по существу выступали единым фронтом с либеральной мелкой и средней буржуазией, оказывая значительное влияние и на пролетарские слои. В городе действовали полулегальные общественные салоны, велась обширная предвыборная кампания по выборам в Государственную думу, на страницах газет проходили политические дискуссии и открытые дебаты.

Столь широкая общественная коалиция не оставляла места для нелегальной деятельности большевиков. Преимущественно бюрократический, чиновничий Иркутск не был восприимчив к революционной агитации. Вот почему в марте 1906 г. Шумяцкий едет дальше и останавливает свое внимание на Слюдянке. Только кадровых рабочих здесь насчитывалось до 300: путейцы, ремонтники, машинисты. Уже к апрелю 1906 г. Шумяцкому удастся восстановить здесь организацию РСДРП, провести несколько массовых сходок, приступить к созданию типографии. Шрифты, вал, краска были привезены из Иркутска двумя гимназистами, а через неделю в поселке и на станции появились первые прокламации.

Судьба слудянской организации, как и многих других сотен большевистских нелегальных групп, действовавших тогда в России, была типичной: за первыми проявлениями активности неизбежно следовал разгром, руководители арестовывались и новому профессионалу-организатору приходилось начинать все сначала. Так и в нашем случае: в середине мая 1906 г., после проведения двух стачек, Шумяцкий вынужден был скрыться от полиции и с мандатом Слюдянской организации РСДРП попал в Красноярск, на Вторую общесибирскую социал-демократическую конференцию, ставшую своего рода рубежом в жизни Бориса Захаровича.

На конференции Шумяцкий неоднократно выступает в прениях. Он, по его собственному выражению, яростно «костит» Иркутский комитет РСДРП за увлечение парламентскими формами работы и забвение нелегальной деятельности. Столь яркие и искренние речи не остаются незамеченными: Шумяцкого избирают членом руководящего бюро Сибирского социал-демократического союза и доверяют редактировать общепартийную сибирскую легальную газету [Шумяцкий 1989: 117].

Его Величество случай, организаторский талант, огромная работоспособность и стремление быть полезным своей партии – все это дает результат: 20-летний малограмотный, но преданный делу партийный профессионал попадает в обойму руководящих работников. «Я отказывался от редакторства, – вспоминал позднее Борис Захарович, – ибо был совершенно неграмотным парнем, но делегаты конференции... заявляли мне: ты только сиди и слушай, что будет писать и читать Фомич (второй член редакции – от меньшевиков), а в случае чего бунтуй» [Якушина 1969: 119].

Газету решено было издавать по-дальше от больших губернских городов – в уездном Верхнеудинске, куда уже в начале лета 1906 г. и перебирается Шумяцкий. Здесь 4 октября вышел первый

номер газеты «Прибайкалье». С него началась литературная деятельность этого человека, оставившего нам многочисленные статьи, брошюры и книги, но даже в зрелом возрасте писавшего с орфографическими ошибками.

После девятого номера газету прикрыли, но Шумяцкий начал издавать другую. Не слишком заботясь об оригинальности, новый орган назвали «Байкальская струя» (12 номеров), затем «Забайкалец» (9 номеров). В последнем Борис Захарович выступал уже в качестве единственного редактора. Тираж газет был невелик – от 400 до 2000 экземпляров. Однако напомним: у ленинской «Искры» он был не намного больше – каких-нибудь 8 тысяч. Здесь важен не столько количественный показатель, сколько возможность для объединения рабочих.

Активная издательская и организаторская деятельность Шумяцкого незамедлительно вызвала интерес Охранного отделения. В конце октября 1906 г. газета была закрыта, все сотрудники подвергнуты аресту, а сам Борис Захарович бежал в Харбин.

Партийный организатор – профессия особая. Это своего рода экспортер революции. Везде, где в этот период работает Шумяцкий – во Владивостоке, в Харбине, городах Западной Сибири, – наблюдается всплеск политической активности пролетариата – стачки, митинги, сходки, восстановление комитетов и групп, выпуск легальных и нелегальных газет. Конечно, эти оппозиционные выступления рабочих были следствием объективных причин, но и роль партийной пропаганды здесь была велика.

Новый 1912-й год Борис Захарович встречает... в Южной Америке, куда после очередного разгрома бежит, спасаясь от полиции. В 1913 г. он уже в Петербурге, Киеве, затем год «тюремных университетов», и, наконец, в 1915 г. он отдан в солдаты, определен писарем в третью роту 14-го Сибирского стрелкового полка, дислоцирующегося в Красноярске. Трудно представить более нелепое на-

казание. Фактически Шумяцкому предоставили все условия для антивоенной и революционной агитации среди нижних чинов. Он пишет солдатские листовки, организует в казармах партийные ячейки и группы «правдивистов». Здесь, в Красноярске, и застает его февраль 1917-го.

После объявления Временным правительством политической амнистии из Енисейской и Иркутской губерний в Европейскую Россию потянулись составы с бывшими ссыльными. В основном это были социал-демократы и эсеры. На каждой станции их встречали победными речами и красными знаменами. Руководящие работники использовали эти встречи для возобновления прерванных войной связей, для разъяснения местным организаторам партийных установок и задач.

По инициативе Я. М. Свердлова подобная встреча состоялась и в Красноярске. По-видимому, соратнику Ленина понравился Шумяцкий: его несгибаемая решимость громить объединенческие тенденции в сибирском подполье, изгонять из комитетов и групп меньшевиков и эсеров как никогда точно отвечала и установкам ЦК. Шумяцкий был замечен.

Местные рабочие и социал-демократы уже хорошо знали Бориса Захаровича. Еще в начале марта 1917 г. они избрали его заместителем председателя исполнительного комитета губернского Совета депутатов. Когда же в апреле оформилось Средне-Сибирское бюро большевиков (Сиббюро), именно Шумяцкий стал его руководителем, имея при этом специальный мандат агента ЦК РСДРП(б) по Сибири [Голубев 1987: 123].

Очень скоро Борис Шумяцкий становится известным среди большевиков. В конце апреля он встречается с В. И. Лениным, на I Всероссийском съезде Советов избирается членом ВЦИК и вместе с В. Н. Ногиним, Г. Е. Зиновьевым, Н. К. Крыленко занимает место в президиуме. В августе 1917 г. он делегат VI съезда РСДРП(б), открыто провозгласившего о подготовке к захвату государственной власти.

По решению ЦК Шумяцкого оставляют в Петрограде. Вместе с Н. И. Подвойским он работает в бюро военных организаций – структуре, созданной ЦК и предназначенной координировать деятельность боевых групп партии. Это ответственнейшее дело он успешно сочетает с работой в центральном органе – газете «Пролетарий», а также участвует в восстановлении «Правды» [Деятели 1989: 771].

Казалось бы, политическая карьера этого человека определена и прочно связана с Петроградом. Однако Октябрьская революция готовилась не только в центре, но и на местах. В планах партии Иркутск играл особую роль. «Там, – говорил Владимир Ильич, – вы встретите со стороны эсеров и меньшевиков бешеное сопротивление. Оттуда они будут пытаться воздействовать на крестьянство всей, и особенно Западной, Сибири, чтобы лишить пролетариат Питера и Москвы и революционные части тыла и фронта сибирского хлеба, мяса и других видов продовольствия» [Шумяцкий 1989: 273].

Иркутск действительно был крупным политическим и экономическим центром на востоке империи. Кроме того, «революционные социал-демократы» были здесь в меньшинстве: основу общественных сил, как и в 1905 г., составлял широкий либеральный блок, выступавший за мирную последовательную демократизацию. Состав избранного 3 марта 1917 г. исполнительного комитета общественных организаций отражал эту коалицию: 10 эсеров, 9 кадетов и примыкавших к ним, а также 4 меньшевика. Как видим, большевиков в комитете не было. Сюда и был направлен Б. З. Шумяцкий (заметим – опять же по рекомендации Свердлова). Цель командировки представителя ЦК – большевизация социал-демократических, советских организаций, руководство подготовкой к захвату административной и политической власти.

В конце сентября 1917 г. Шумяцкий выехал из Петрограда. В начале октября

он был в Иркутске, и не один: вместе с ним сюда приехали опытные большевистские организаторы из Красноярска – Я. Е. Боград, Г. С. Вейнбаум, А. И. Окулов, В. Н. Яковлев. Результаты их приезда не замедлили сказаться: общедемократический оппозиционный блок, с таким трудом сложившийся в Иркутске еще до февральской революции, был просто расколот: уже 8 октября представители большевистских групп Иркутска, Слюдянки, Лиственничного, Нижнеудинска и других мест заявили о выходе из объединенных организаций РСДРП и избрали свой комитет. Конечно же, в его состав вошел и Б. З. Шумяцкий.

Действия Шумяцкого в городе логичны и последовательны. Судьба революции в чиновничьем Иркутске во многом зависела от настроения солдатской массы. Это хорошо было известно Борису Захаровичу как члену бюро военных организаций ЦК большевиков. Вот почему уже 10 октября из представителей нижних чинов различных полков под его руководством в Иркутске создается так называемая «военка» – выборный орган, призванный осуществить большевизацию частей Иркутского гарнизона, выступивший за немедленный переход всей власти в руки Советов и насильно вводящий выборность и сменяемость командного состава. «Военка» стала своего рода прообразом Красной гвардии. Уже 12 октября ею был организован двухтысячный солдатский митинг на Тихвинской площади, принявший большевистские резолюции о войне и власти.

После столь внушительных первых побед Шумяцкий и его соратники центр внимания переносят на Советы. Это не случайно, ведь именно здесь, в Иркутске, в октябре должны пройти два самых крупных региональных съезда – II съезд Советов Восточной Сибири (11 октября) и I съезд всей Сибири (23 октября).

11 октября большевики проиграли: из 115 делегатов за ними пошли лишь 32, и, соответственно, их резолюции приняты не были. А вот Первый Всесибир-

ский, благодаря блоку с левыми эсерами и после демонстративного ухода меньшевиков, принес большевикам внушительную победу. Прежде всего, они приняли решение о немедленной передаче всей власти съезду. Затем были утверждены также важные резолюции – о рабочем законодательстве и контроле, о создании на всех предприятиях фабрично-заводских комитетов. Но, пожалуй, главным достижением ленинцев было избрание съездом 23 октября Центрального исполнительного комитета Советов Сибири, вошедшего в нашу историю под названием Центросибирь. Первым председателем его и стал Б. З. Шумяцкий [Агалаков 1968].

К этому времени Борису Захаровичу Шумяцкому было чуть больше тридцати. Он достиг вершины своей политической карьеры, в одночасье став высшим советским руководителем фактически половины страны: Центросибирь распространяла, пусть и декларативно, свое влияние от Владивостока до Тобольска. К тому же необходимо подчеркнуть: на момент избрания Шумяцкого в Иркутске в Петрограде еще не было арестовано Временное правительство, а Ленин еще не стал председателем Совета народных комиссаров. С известным преувеличением можно сказать, что Иркутск опередил Октябрьскую революцию ровно на два дня, хотя фактически новая власть не пользовалась в регионе никаким авторитетом. Представителей Центросибири не допускали на телеграф, типографии отказывались печатать его газету, а государственные чиновники встречали откровенным саботажем.

Такое положение ЦИК Советов Сибири не изменилось и с получением 26 октября известий о перевороте в Петрограде. Здесь по-прежнему реальная власть находилась в руках блока, возглавляемого эсерами и кадетами.

Ситуацию в регионе прекрасно продемонстрировали и выборы в Учредительное собрание. По г. Иркутску, например, из 30 тыс. голосовавших большевики получили чуть более 1700 голосов,

социалисты-революционеры же почти 10 тыс. [Романов 1994: 257].

После Октября новая центральная государственная власть оказалась неспособной в сжатые сроки создать полномочные органы в Восточной Сибири. Эту задачу исполком Советов Сибири во главе с Шумяцким должен был решить самостоятельно. К тому же завоевание власти в Иркутске являлось далеко не только местной задачей: Центросибирь создавалась для того, чтобы распространить свое влияние на громаднейшей территории азиатской части страны, но, вместе с тем, не могла овладеть Иркутском – местом собственной дислокации.

Наступление на старые государственные органы Временного правительства большевики начали с первых чисел ноября. Прежде всего, они добились формального переизбрания прежних Советов военных и рабочих депутатов, получив там большинство. 19 ноября оба Совета проголосовали за создание военно-революционного комитета – органа, объявившего о взятии всей власти в городе. Идея создания ВРК принадлежала, скорее всего, Б. З. Шумяцкому.

«Новая большевистская авантюра», «игра за счет народа», «нарушение гражданских свобод» – так охарактеризовала создание ВРК городская Дума. На ее экстренном заседании 20 ноября был избран комитет общественных организаций (КООрг) для «защиты революции» под руководством эсера Е. М. Тимофеева [Гудошников 1959: 22].

В начале декабря по решению ВРК было конфисковано оружие со складов городской милиции, из рабочих и солдат сформирована Красная гвардия. КООрг, в свою очередь, привел в состояние боевой готовности части бывших офицеров.

В создавшейся ситуации численное превосходство было на стороне большевиков. Однако военная выучка и дисциплина, профессионализм и умение пользоваться оружием в условиях уличного боя стоили гораздо больше и по существу оставляли Центросибири немного

шансов на победу. Казалось бы, простой объективный анализ своих возможностей должен был остановить Шумяцкого и его товарищей. Но этого не произошло. Напротив, ВРК, отбросив все колебания, продолжал обострять ситуацию и пошел на открытое вооруженное столкновение. 4 декабря красногвардейцы взяли под арест губернского комиссара И. А. Лаврова – высшее должностное лицо в регионе, а во все учреждения отправили народных комиссаров с небольшими отрядами. Наконец 5 декабря был издан ультимативный приказ № 1 за подписью Б. З. Шумяцкого, предписывавший юнкерам трех школ, а также расквартированным в городе казакам сдать оружие.

Открытые военные действия начались в городе 8 декабря. Первые же бои показали неподготовленность большевистских сил. Юнкера практически без потерь выбили «красных» из губернской типографии, здания золотосплавочной лаборатории, городского театра, осадили гарнизон Белого дома. Они буквально разгромили опорные пункты Центросибири в гостинице «Полярная звезда», доме Винника по Дегтевской и в прогимназии Гайдук. Наконец, части КООрг освободили И. А. Лаврова, взяли штурмом телеграф, захватив в плен сразу 50 красногвардейцев во главе с народным комиссаром В. В. Рябиковым [Гудошников 1959: 29].

Тактическое и стратегическое превосходство юнкеров было очевидным. Однако ВРК не сложил оружия, а, развернув три артиллерийских дивизиона на Иерусалимской горе и в Глазково, площадь за площадью стал накрывать центр города орудийным огнем. Действуя решительно и бескомпромиссно, большевики разрушили здание первой школы прапорщиков, сожгли гарнизонную гауптвахту, пассаж Второва, постройки по Тихвинской, Амурской, Ивановской улицам. Мирные жители при этом страдали не меньше военных: горожане бросали свои дома и бежали из центра на окраины, спасаясь от огня, мародеров, случайной пули.

Остановить бессмысленное кровопролитие попытались меньшевики. 10 декабря группа парламентариев во главе с бывшим депутатом Государственной думы социал-демократом Н. П. Патлых предложила большевикам сложить оружие, распустить Красную гвардию, начать переговоры о мире. Посчитав эти условия неприемлемыми, ВРК возобновил боевые действия. Вооруженный конфликт все больше принимал затяжной, позиционный характер.

Ситуация изменилась только ночью 17 декабря. После очередного штурма юнкера все-таки ворвались в Белый дом. Освещая путь факелами, непрерывно бросая гранаты, они заняли часть центральной лестницы и принудили «красных» сдаться, взяв в плен 153 человека. После столь внушительного поражения большевики, пожалуй впервые, здраво оценили сложившееся положение. Уже в 5 часов утра Шумяцкий и другие объявили о готовности к переговорам. Тут же было подписано и перемирие.

Согласно двустороннему соглашению, КООрг и ВРК распускались, народные комиссары отзывались из всех учреждений, власть в городе и губернии создавалась коалиционная из представителей всех политических сил, Красная гвардия и части юнкеров расформировывались. Бывшие противники обязались не преследовать друг друга.

Казалось бы, Иркутск обрел мир и спокойствие. Однако это хрупкое равновесие было разрушено уже через два дня, 19 декабря: в центр города по окрепшему льду вошли революционные части из Красноярска, Канска, Ачинска, Черемхово. Ситуация резко изменилась в пользу Центросибири – старое соглашение было аннулировано, а власть большевиков стала практически безраздельной.

В эти дни Шумяцкий сосредоточил в своих руках по существу сразу четыре поста – председателя ЦИК Советов Сибири, фактического руководителя военно-революционного комитета, народного комиссара Иркутского военного округа,

начальника формирования и снабжения Красной гвардии.

Личное мужество этого человека достойно уважения: он всегда был в центре боевых действий, среди солдат и рабочих, не раз рисковал жизнью, был ранен. Однако все это ни в коей мере не снимает с него ответственности за сотни павших и искалеченных – солдат, юнкеров, мирных иркутских жителей. По подсчетам современников, только убитых в декабрьские дни в городе насчитывалось более 330 человек, в т. ч. прапорщиков, офицеров и казаков – около 70, юнкеров – 31, солдат и красногвардейцев – более 220 [Романов 1994: 513].

Потери, что и говорить, огромные. Наверняка, их можно было бы избежать. Как не сравнить здесь Шумяцкого с каким-нибудь всесильным временщиком-губернатором или воеводой. Своеобразным подтверждением этого может, на наш взгляд, служить телеграмма Бориса Захаровича В. И. Ленину от 21 ноября 1917 г.: «Товарищ Ильич! На днях в Сибири пала последняя твердыня соглашательства и осиное гнездо церетелевщины – г. Иркутск... Я здесь застрял в качестве председателя Центрального Сибирского исполнительного комитета. Если нужны мои услуги на более ответственную и нужную партии работу, то телеграфируйте: «Иркутск, Центросибирь, Борису Шумяцкому» [Агалаков 1987: 14].

Видимо, деятельность Шумяцкого в Иркутске вполне устраивала центр. Он не был отозван и продолжал здесь работать до марта 1918 г. В конце декабря на объединенном заседании Центросибири, окружного бюро Советов и исполкома Иркутского Совета был создан новый государственный орган – Комитет советских организаций Восточной Сибири. Комитет имел свой руководящий президиум – Я. Д. Янсон, Н. А. Гаврилов, С. Г. Лазо, но уже с января 1918 г. фактическим председателем комитета стал Шумяцкий [Там же: 14].

Под его руководством ЦИК Советов Сибири из органа представительного и

общественно-политического очень скоро превратился в орган диктатуры победившего пролетариата. Все частные и акционерные банки Иркутска были заняты красногвардейцами и в конце января 1918 г. национализированы и слиты в единый государственный банк. Продолжая «кавалерийскую атаку на капитал», Центросибирь национализировала Черемховские угольные копи, Байкальское пароходство, ряд мелких и средних промышленных предприятий региона. Газета «Сибирь» была названа «социалистически-кадетским недоноском» и закрыта, прежний суд реорганизован, создан революционный трибунал.

Особое место в биографии Шумяцкого занимает Второй съезд Советов Сибири: 16–26 февраля 1918 г. съезд подвел итоги, одобрил деятельность Центросибири, решил ряд конкретных политических, административных и хозяйственных проблем. Ввиду оторванности Сибирского региона от Петрограда здесь было решено сформировать свои государственные органы, копировавшие центральные. Учреждался Совет народных комиссаров с множеством отделов и комиссариатов. Портфель председателя Совнаркома предлагалось вручить Б. З. Шумяцкому.

Однако сам Борис Захарович распорядился своей судьбой иначе. Ортодоксальный большевизм не позволил ему правильно принять «единственно верное», ленинское, решение по вопросу о заключении Брестского мира. «Бреста» Шумяцкий не признал, выступил против его ратификации. Более того, под его давлением Второй съезд принял специальную резолюцию «О мире», в которой заявлялось, что если Всероссийский СНК подпишет Брестский договор, то съезд Советов Сибири не будет считать его обязательным для исполнения [Шорников 1963: 550].

После съезда Шумяцкий самовольно оставил пост председателя Центросибири, наспех сформировал небольшой отряд красногвардейцев и во главе этого

отряда выехал в Центральную Россию для борьбы с немецкими интервентами. Исход этой авантюры был предрешен. Революционного пыла красногвардейцев не хватило и до Новониколаевска. Отряд разбежался, Шумяцкому одному в Москве появляться было нельзя, возвращаться в Иркутск – тоже, и он решил осесть в Омске.

Казалось, звезда политической карьеры этого человека закатилась. Его поступок осудил Я. М. Свердлов, а Е. М. Ярославский выступил в «Правде» с уничтожающей статьей «Крик неверия – крик измены». Уже одно название было своего рода приговором. Но, осудив, простили, тем более что таких преданных работников в Сибири всегда не хватало.

В июле 1919 г. Шумяцкий встречается с Лениным. После беседы по просьбе Владимира Ильича он пишет тезисы о положении в Сибири, которые тот подробно изучает, делая на полях свои пометки [Голубев 1987: 126]. С этого события начинается новый стремительный взлет Бориса Захаровича: в 1919–1920 гг. Шумяцкий занимает посты председателя Тобольского уездного, Тюменского и Томского губернских ревкомов, с мая 1920 г. – председателя Совета министров и министра иностранных дел Дальневосточной республики, с конца 1920 г. возглавляет Енисейский губернский исполком.

В 1921 г. судьба делает очередной поворот – Б. З. Шумяцкий назначается представителем исполкома Коминтерна (ИККИ) на Дальнем Востоке. Еще в июле 1920 г. при Сибирском бюро ЦК РКП(б) в Иркутске была создана секция восточных народов, а 15 января 1921 г. она перешла в ведение ИККИ. Уполномоченным ИККИ на Дальнем Востоке был назначен Б. З. Шумяцкий. В его приказе № 1 от 12 февраля 1921 г. говорилось: «...Во исполнение постановления ИККИ от 15 января с. г. и постановления ЦК РКП от 5 января с. г. в Иркутске утверждается представительство Коминтерна на Дальнем Востоке в форме секретариата» [ВКП(б), Коминтерн и Япония 2001: 224].

Фактически секретариат стал штабом по руководству всей коммунистической и революционной работой в странах Восточной и Центральной Азии. Его задачей была подготовка и организация коммунистических групп и партий в странах Дальнего Востока – Китае, Монголии, Корее и Японии. Заместителем Шумяцкого по оргвопросам стал Я. Г. Минскер, членами секретариата – Г. Н. Войтинский, управляющим делами – В. Л. Букатый, уполномоченными ИККИМ – С. А. Далин и представительница международного женского секретариата А. Лепешинская.

В структуре Дальневосточного секретариата были организованы национальные секции: китайская, корейская, японская, которые возглавляли коммунисты соответствующих национальностей. К середине ноября 1921 г. Дальневосточный секретариат имел в своем штате уже 113 сотрудников [Там же: 224]. Особое место принадлежало Монголо-тибетскому бюро во главе с Э.-Д. Ринчино. Последний писал о Шумяцком: «С того момента, как за работу на Дальнем Востоке вплотную принялся Б. З. Шумяцкий, дело стало быстро продвигаться вперед» [Ринчино 1998: 249]. Ему удалось привлечь немалые средства. Известна телеграмма Шумяцкого, отправленная в начале февраля 1921 г. в секретариат Коминтерна Кобецкому, в которой он требует отпустить в его [секретариата. – С. К.] распоряжение из местных запасов Внешторга и Лензолота гамбургского серебра и золота в слитках на сумму не менее 500 тыс. руб., иначе, как пишет он, «работа будет пребывать в кустарном состоянии» [Там же: 249]. Эти средства, писал Шумяцкий, позволят «в течение 6 месяцев финансировать все китайские, корейские, японские и монголо-тибетские коммунистические и революционные организации... в противном случае все туземные организации замрут без средств» [Базаров, Жабеева 2008: 200]. В этой же почте Шумяцкий пишет о такой «неотложной необходимости для работы», как бумага.

С 1921 г. в Иркутске еженедельно стал выходить «Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна». Первый его номер вышел 27 февраля 1921 г., последний (7-й) – 29 мая 1921 г. Тираж номеров составлял 500 экземпляров. Основная задача издания заключалась в том, чтобы составлять информационные доклады, в которых отражались бы основные политические события и деятельность Коминтерна и компартий. Бюллетень публиковал специальные справки и статистические данные по вопросам экономики, международного рабочего и коммунистического движения. На страницах бюллетеня помещались разнообразные материалы о состоянии революционного движения в Китае, Корее, Японии и Монголии.

Другим периодическим изданием Дальневосточного секретариата Коминтерна стал журнал «Народы Дальнего Востока», который также выходил в Иркутске в течение 1921 г. Журнал «призван был содействовать коммунистическому Интернационалу в его стремлении руководить национально-революционным движением угнетенных народов колонияльных стран Дальнего Востока, подчиняя их общим задачам мировой борьбы за коммунизм, освободив эти движения от мелкобуржуазных национал-шовинистических и социал-соглашательских наслоений в программах и тактике их» [Народы ... 1921: № 1. Стб. 5]. Ответственным секретарем и автором журнала стал сам Б. З. Шумяцкий. В первом номере журнала была опубликована его передовая статья «Пролетарский праздник и пролетарская революция», подписанная псевдонимом А. Ч. – Андрей Червонный [Там же: Стб. 7–12] и статья «Коммунистический интернационал на Дальнем Востоке» [Там же: Стб. 19–26].

Известный деятель Коминтерна, историк и экономист С. А. Далин в воспоминаниях называет журнал солидным, на страницах его «публиковались содержательные статьи по экономике

Японии, Китая, Кореи, голландской Индии (Индонезии) и даже Австралии, материалы о положении рабочего класса и крестьянства, о революционном движении в этих странах» [Далин 1982: 48]. В Иркутске Шумяцкий опубликовал и другие работы, посвященные революционному движению в странах Дальнего Востока [Коммунистический 1921: Стб. 21–26].

Особое внимание и беспокойство Дальневосточного секретариата вызывала ситуация в Монголии. В феврале 1921 г., когда Унгерн был уже в Урге, Шумяцкий телеграфировал в центр о «крайней необходимости срочного разрешения вопроса о выдаче Монгольской народно-революционной партии оружия» [Базаров, Жабоева 2008: 200]. Борьба с Унгерном выдвигается на первый план. 10 февраля 1921 г. состоялось заседание Дальневосточного представительства Коминтерна, где детально обсуждался вопрос «о положении Монголии и ближайших практических задачах секции восточных народов по работе в Монголии». Был сделан вывод, что «дальнейшее промедление с активной помощью монгольским революционерам грозит серьезными осложнениями, одинаково опасными для данного района революции, Совроссии и Монголии» [Монголия 2012: 61].

Ранее Б. З. Шумяцкий писал в ИККИ по поводу задач Коминтерна в отношении Монголии: «Работа эта имеет два первоочередных задания: организационное усиление Монгольской нарревпартии, которая на днях должна захватить власть, провозгласить действительную независимость Монголии и начать партизанскую борьбу против нашествия иноземных белобандитов – унгернцев и реакционных монголохозяев, – и организацией ее боевых партизанских сил. С этой целью монголо-тибетским отделом мобилизованы все наши наличные полит- и военмонголработники и брошены к месту событий» [Роль 1978: 53].

Не имея практически никакого образования, благодаря исключительно своей энергии, природному интеллекту

и любознательности, Шумяцкий профессионально разбирается в особенностях внутри- и внешнеполитической ситуации в Монголии, монгольского менталитета. Об этом свидетельствует его переписка по монгольским вопросам с наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным. 12 августа 1921 г. Шумяцкий направляет Чичерину обширное письмо «О некоторых итогах и задачах военно-политической работы в Монголии» [Монголия 2012: 61], в котором детально характеризует военное, внутри- и внешнеполитическое положение этой страны. Подводя итоги, Шумяцкий предлагает развивать военную операцию в Западной Монголии, усилить дипломатическую работу в Китае, оказать финансовую, техническую, консультационную помощь Монголии [Там же: 64–66]. В связи с приездом в Москву в октябре 1921 г. монгольской делегации Шумяцкий в письме к наркому иностранных дел дает краткие, но емкие характеристики членам делегации [Там же: 66]. В связи с предстоящей встречей монгольской делегации с В. И. Лениным Шумяцкий принимает непосредственное участие в ее организации, составляет для последнего записки с характеристикой политического положения в Монголии, информацией о составе монгольской делегации и характеристикой ее членов [Там же: 73–74].

Большое внимание уделял Б. З. Шумяцкий ситуации в Китае, куда по его распоряжению в первых числах октября 1921 г. был направлен специальный уполномоченный по работе в Китае В. В. Лидин (Хржановский). Он пробыл в Китае с 1921 по 1922 г. и представил 20 мая 1922 г. в отдел Дальнего Востока ИККИ подробный доклад о ситуации в стране, деятельности коммунистических кружков, антихристианском движении, перспективах работы [Там же: 80].

С трудом устанавливались контакты с революционными элементами в Японии. Первый непосредственный контакт Коминтерна с революционными марксистами Японии состоялся в апреле 1921 г. Тогда из представительства Дальневосточно-

го секретариата в Шанхае в Японию отправился кореец Ли [ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное... 1994: 78–92]. К июню 1921 г. в Иркутске была организована типография с японским шрифтом, собран штат переводчиков из числа японистов, работающих в секретариате, что позволило развернуть переводческую и информационную работу.

Важным направлением работы секретариата было объединение корейских коммунистических организаций, что было непростой задачей. В это время на территории советской Сибири и Дальнего Востока в ряде местных комитетов РКП(б) были организованы корейские секции. В апреле 1920 г. в разных городах работали 10 корейских секций. Они издавали газеты для местных корейцев. Наиболее влиятельными были корейские секции Иркутска и Омска [ВКП(б), Коминтерн и Япония 2001: 224]. Иркутскую группу активно поддерживало Сибирское бюро ЦК РКП(б), курировал и направлял уполномоченный Коминтерна Б. З. Шумяцкий. В мае 1921 г. в Иркутске состоялся съезд Корейской коммунистической партии, который стал называться учредительным съездом. С докладом на нем выступил сам Шумяцкий. «Так определилось явное стремление иркутской группы к гегемонии в корейском движении на Дальнем Востоке. Это стремление резко противоречило планам Корейской социалистической партии, которая сама хотела дирижировать революционным движением Дальнего Востока в качестве представителя Коминтерна» [ВКП(б), Коминтерн и Корея 2007: 6–7].

Известно о том, что между иркутской и шанхайской организациями корейцев были натянутые отношения, в т. ч. по вопросу сотрудничества с корейскими националистическими объединениями. Разобщенность корейского коммунистического движения, фракционная борьба вынудила Коммунистический Интернационал вмешаться в события и предпринять ряд мер по его объединению. В этом же направлении действовал

и Б. З. Шумяцкий. Взаимные обвинения стали весьма резкими. Шанхайцы требовали отстранить Б. З. Шумяцкого от руководства Дальневосточным секретариатом Коминтерна, предъявляли серьезные претензии к другим работникам ИККИ [Там же: 7]. 15 ноября комиссия президиума ИККИ приняла заключение по корейскому вопросу, рекомендующее объединение враждующих групп [Там же: 11]. Шумяцкий ответил телеграммой и письмом секретарю ИККИ Г. И. Сафарову, в которых отвергал все обвинения в свой адрес и заявлял о своей отставке. Об отставке просил также и член Дальневосточного секретариата Г. Н. Войтинский. Их заявления рассматривались 26 декабря 1921 г., были отвергнуты, а 22 декабря 1921 г. Политбюро РКП(б) «поставило на вид» Б. З. Шумяцкому и Г. Н. Войтинскому за их заявление об отставке.

Осенью 1921 г. Шумяцкий занимался важнейшим мероприятием – организацией съезда народов Дальнего Востока. 26 августа 1921 г. на заседании малого бюро ИККИ было решено поручить созыв этого съезда (конференции) Трилиссеру и Шумяцкому и провести его в Иркутске 11 ноября 1921 г. [Там же: 164]. Съезд предполагался как ответ и противовес Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам, созданной по инициативе США с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. «Исполком Коминтерна посчитал необходимым пригласить представителей рабочих, крестьян, интеллигенции Японии, Кореи, Китая, Монголии и противопоставить Вашингтонской конференции Съезд народов Дальнего Востока, – писал С. А. Далин. – Первоначально решено было созвать этот съезд в Иркутске и открыть его 11 ноября. Уже в октябре 1921 г. в Иркутск стали прибывать делегаты» [ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное 1994: 63].

Вскоре съезд решили перенести в Москву, «что должно было придать ему еще большее политическое значение».

На совещании президиума ИККИ 26 декабря 1921 г. постановили «возложить на тов. Шумяцкого ответственность за подготовку конференции и доставку делегатов в Москву» [Далин 1982: 53]. В конце декабря 1921 г. специальный поезд со всеми делегатами, членами Дальневосточного секретариата и несколькими его сотрудниками направился в Москву.

До 6 ноября 1922 г. Б. З. Шумяцкий оставался членом РВС Пятой армии (осенью того же года армия была расформирована). С марта 1923 г. Шумяцкий – полномочный представитель СССР в Персии. В литературе встречаются утверждения, что это назначение – следствие конфликта Шумяцкого с наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным. Но документально это не подтверждено.

С 1926 г. Б. З. Шумяцкий вместе с С. М. Кировым громит троцкистов в Ленинграде, с ноября 1926 г. он ректор Коммунистического университета народов Востока, с 1929 г. – ответственный работник ЦК компартии Узбекистана...

Это далеко не полный послужной формуляр Б. З. Шумяцкого. Недостаток специальных знаний везде компенсировался «преданностью линии партии». Отсюда понятно и логично и его последнее назначение: с ноября 1930 г. по январь 1938 г. – он председатель Всесоюзного кинофотообъединения «Союзкино», затем – председатель Управления кинофотопромышленности при СНК СССР. В 1934 г. на одном из кинопросмотров у Сталина Шумяцкий неожиданно услышал от последнего оценку своей деятельности в Сибири и на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг. Сталин: «Я знаю, что вы всегда были крепким на хватку. Хорошо помню ваши д[альне]восточные дела и интересно проведенную монгольскую операцию». Ворошилов: «Он ведь брал в плен Унгерна». Сталин: «Еще больше, он, имея против себя реввоенсовет, руководимый Троцким, создавал независимое монгольское народно-революционное государство. А вот сейчас что-то медлит» [В зрительном...].

Неизвестно, что имел в виду «вождь народов», говоря о медлительности Шумяцкого, только в январе 1938 г. Борис Захарович был арестован, обвинен в участии в террористической организации, а в июле того же года расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Сегодня нет нужды задаваться вопросом, как бы развивались события в 1917–1938 гг. в Иркутске, Верхнеудинске, Чите, Владивостоке и Москве без Б. З.

Шумяцкого. Несомненно, их направление было бы таким же. Но история тем и интересна, что состоит из судеб отдельных людей, вносящих свой, неповторимый вклад в ее неумолимое движение. Таким человеком и был Борис Захарович Шумяцкий, партийный профессионал, первый председатель Центросибири, первый советский руководитель огромного региона, крупный деятель Коминтерна и советского киноискусства.

Литература

- Агалаков В. Т. Октябрь в Иркутске 1917–1918 гг. / В. Т. Агалаков. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987.
- Агалаков В. Т. Подвиг Центросибири / В. Т. Агалаков. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 153 с.
- Базаров Б. В. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 376 с.
- В зрительном зале Сталин, или «Записки Шумяцкого». Документ № 5. Запись беседы И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова с Б. Шумяцким во время просмотра фильма «Веселые ребята» 21 июля 1934 г. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/54736>.
- ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920–1925 гг. – М.: Буклет, 1994. – 768 с.
- ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. – М.: РОСПЭН, 2001. – 791 с.
- ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 гг. – М.: РОСПЭН, 2007. – 816 с.
- Голубев Е. По мандату долга / Е. Голубев // Байкал. – 1987. – № 1.
- Грайворонский В. В. К 125-летию со дня рождения Б. З. Шумяцкого / В. В. Грайворонский // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политол. – 2012. – № 1(8). – С. 312–318.
- Гудошников М. А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири / М. А. Гудошников. – Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. – 206 с.
- Далин С. А. Китайские мемуары / С. А. Далин. – М.: Наука, 1982. – 384 с.
- Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 771–776.
- Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 527 с.
- Народы Дальнего Востока. – 1921. – № 1.
- Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. – М.; Улан-Батор: Политиздат, 1978. – 263 с.
- Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.
- Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции / М. М. Шорников. – Новосибирск: [б.и.], 1963. – 647 с.
- Шумяцкий Б. З. Сибирь на путях к Октябрю / Б. З. Шумяцкий. – Иркутск, 1989.
- Шумяцкий Б. З. Коммунистический Интернационал на Дальнем Востоке / Б. З. Шумяцкий // Народы Дальнего Востока. – 1921. – № 4. – С. 21–26.
- Ринчино Э.-Д. о Монголии. Избранные труды. – Улан-Удэ: [б.и.], 1998. – 260 с.
- Якушина А. П. Борис Захарович Шумяцкий (1886–1943) / А. П. Якушина // История СССР. – 1969. – № 2.

References

- Agalakov V. T.* Oktyabr' v Irkutske 1917–1918 gg. [October in Irkutsk 1917–1918 Irkutsk] / V. T. Agalakov. – Irkutsk: East.-Sib. publishing house, 1987.
- Agalakov V. T.* Podvig Centrosibiri [Podvig Centrosibiri] / V. T. Agalakov. – Irkutsk: East.-Sib. publishing house, 1968. – 153 p.
- Bazarov B. V.* Buryatskie nacional'nye demokrati i obshchestvenno-politicheskaya mysl' mongol'skih narodov v pervoj treti HKH veka [The Buryat national democrats and a social and political thought of the Mongolian people in the first third of the XX century] / B. V. Bazarov, L. B. ZHabaeva. – Ulan-Udeh: Izd-vo BNC SO RAN, 2008. – 376 p.
- V zritel'nom zale Stalin, ili “Zapiski SHumyackogo”. Dokument No. 5. Zapis' besedy I. V. Stalina, K. E. Voroshilova s B. SHumyackim vo vremya prosmotra fil'ma «Veselye rebyata» 21 iyulya 1934 g. [In the auditorium Stalin, or “Shumyatsky's Notes”. Document No. 5. Record of a conversation of I. V. Stalin, K. E. Voroshilov with B. Shumyatsky during viewing of the movie “Cheerful Children” on July 21, 1934]. Access mode: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/54736>.
- VKP(b), Komintern i nacional'no-revolucionnoe dvizhenie v Kitae. Dokumenty 1920–1925 gg. [The All-Union Communist Party (bolsheviks), Komintern and national revolutionary movement in China. Documents. 1920–1925]. – JSC Buklet, 1994. – 768 p.
- VKP(b), Komintern i Yaponiya. 1917–1941 gg. [All-Union Communist Party (bolsheviks), Komintern and Japan. 1917–1941]. – M.: Publishing house ROSPEHN, 2001. – 791 p.
- VKP(b), Komintern i Koreya. 1918–1941 gg. [All-Union Communist Party (bolsheviks), Komintern and Korea. 1918–1941]. – M.: Publishing house ROSPEHN, 2007. – 816 p.
- Golubev E.* Po mandatu dolga [Under the mandate of a debt] / E. Golubev // Baikal. – 1987. – No. 1.
- Grajvoronskij V. V.* K 125-letiyu so dnya rozhdeniya B. Z. SHumyackogo [To the 125 anniversary since the birth of B. Z. Shumyatsky] / V. V. Grajvoronskij // News of the Irkutsk state university. Political science series. – 2012. – No. 1(8). – P. 312–318.
- Gudoshnikov M. A.* Ocherki po istorii Grazhdanskoj vojny v Sibiri [Sketches on stories of Civil war in Siberia. Irkutsk] / . – Irkutsk: Irkutsk prince publishing house, 1959. – 206 p.
- Dalin S. A.* Kitajskie memuary [Chinese memoirs] / M. A. Gudoshnikov. – M.: Publishing house Science, 1982. – 384 p.
- Deyateli SSSR i revolucionnogo dvizheniya Rossii. EHnciklopedicheskij slovar' Granat [Figures of the USSR and revolutionary movement of Russia. Encyclopedic dictionary by Grenades]. – M.: “The Soviet encyclopedia” publishing house, 1989. – P. 771–776.
- Mongoliya v dokumentah Kominterna (1919–1934). CH.1 (1919–1929) / nauch. red. B. V. Bazarov [Mongolia in documents of Komintern (1919–1934). P. 1 (1919–1929)/nauch. edition B. V. Bazarov]. – Ulan-Udeh: Publishing house of BNC SO RAN, 2012. – 527 p.
- Narody Dal'nego Vostoka [People of the Far East]. – 1921. – No. 1.
- Rol' i znachenie pomoshchi mezhdunarodnogo kommunisticheskogo dvizheniya v stanovlenii i